

Валерий Брюсов

Изгнание духовных конгрегации

Валерий Яковлевич Брюсов

Изгнание духовных конгрегации

«Не должно придавать преувеличенного значения борьбе французского правительства с духовными конгрегациями. Успех Комба не знаменует нового и важного момента в исторической расправе государства с церковью. Поход против конгрегации был прежде всего борьбою двух политических партий. Это была борьба правительства не с религией, а со своими политическими противниками. Друг против друга стояли не защитники христианства и враги его, а только клерикалы и радикалы. Принципы в политической жизни быстро выветриваются...»

**Валерий Брюсов
Изгнание духовных
конгрегации**

Не должно придавать преувеличенного значения борьбе французского правительства с духовными конгрегациями. Успех Комба не знаменует нового и важного момента в исторической расправе государства с церковью. Поход против конгрегации был прежде всего борьбою двух политических партий. Это была борьба правительства не с религией, а со своими политическими противниками. Друг против друга стояли не защитники христианства и враги его, а только клерикалы и радикалы. Принципы в политической жизни быстро выветриваются. Соблазнительные слова «liberte, egalite, fraternite»[1] давно уже украшают своды французских тюрем, т. е. стали просто девизом, потерявшим первоначальный смысл. Радикалы в действительности имели в виду не столько «спасти народ от суеверий», сколько ослабить ещё больше католическую партию и лишить её возможности влиять на избирателей. А клерикалы были одушевлены вовсе не заботой о «царстве Божием на земле», а желанием сломить во что бы то ни стало торжествующих республиканцев или хотя бы причинить им поболь-

ше неприятностей.

Несмотря на всё это в факте изгнания духовных конгрегации всё же есть отзвуки, далекие, слабые, но самые подлинные отзвуки двухтысячелетней распри двух начал на земле: начала римской империи, *imperium Romanum*, и царства Божия, *civitas Dei*. Современная западная государственность может свободно дышать только идеями *imperii Romani*. Её власть, как и власть римского императора, опирается на волю народа. Сознательно или бессознательно, но с неизбежностью она социалистична. Задачи, какие она себе ставит, имеют смысл только при позитивных предпосылках, при убеждении, что назначение государства – поудобнее устроить жизнь граждан, позаботиться, чтобы они были сыты и чтобы им было весело (*Panem et circenses*[2])! Эта государственность по самой своей сущности должна быть враждебна всему, где есть мистический элемент, церкви, религии. Принцип народного суверенитета не может быть примирён с учением: несть власть, иже не от Бога.

Клерикалы понимают это. И отсюда их по-

стоянная борьба с республиканцами и тесная связь с монархическими партиями. Герцог Орлеанский писал (в письме к сенатору Ламарзелю) по поводу последних событий: «Более чем когда-либо события доказали теперь неразрывную связь между делом церкви и делом короля; недалеко то время, когда французская церковь, наученная гонением правильно оценивать нашу историческую традицию, признаёт, что независимость и спасение существуют только в монархии».

Республиканцы в свою очередь всячески теснят сторонников католической партии, справедливо считая их за своих политических врагов. «Клерикализм – вот наш враг», – сказал Гамбетта ещё в 1876 году. С тех пор республиканцы, которые неизменно держались у власти, провели целый ряд мер, направленных прямо против католического духовенства. Закон этого года о конгрегациях только одно звено в длинной цепи.

Исход борьбы, предпринятой Комбом, зависел от того, чью сторону займёт одна из самых маленьких групп в палате – Union démocratique[3]. Она держалась в стороне

от политики министерства и нередко рукоплескала ораторам оппозиции. Если бы Union démocratique подала голоса против закона о конгрегациях, закон не прошёл бы. Таким образом, согласно парламентским правилам, решение вопроса было отдано в руки небольшой кучки лиц. Вождь этой группы Этьенн посетил Комба и предложил ему такой компромисс: его группа поддержит министерство, а оно взамен того не будет препятствовать изгнанным из Франции конгрегациям продолжать своё дело в колониях. Комб принужден был уступить.

В речах защитников конгрегации было много того, что мы называем «фразами». Французы большие охотники до этого рода красноречия. Во время великой революции они наготовили столько знаменитых и красивых фраз, что из них составлена теперь целая книга. Видимо, это искусство ещё не пало во Франции.

Но и возражения Комба и его сторонников были слабы. Победа была им обеспечена и без слов. Однако, все их речи были чрезвычайно характерны для радикальной партии.

Именно такими доводами они всегда пользуются, таким духом всегда проникнуты. Радикалы совершенно убеждены, что та «свобода», о которой они говорят, состоит в свободе исповедовать их, т. е. «радикальные» мнения. Все другие взгляды и убеждения они считают не только вздорными, но и нечестными, постоянно намекая, что если их противники и держатся этих взглядов, то исключительно ради каких-нибудь корыстных целей. Наконец, свои собственные убеждения радикалы готовы распространять какими угодно, хотя бы самыми деспотическими мерами. «Все конгрегации, – заявил Комб, – одинаково вредны, потому что проникнуты одним и тем же духом непримиримой вражды к новому обществу». Бюиссон настаивал на полной непригодности членов конгрегации к делу народного образования. «Эти лица, – говорил он, – дали обет безбрачия, повиновения, бедности и развивают в учениках фанатизм и мистицизм, тогда как юных граждан должно готовить к жизни семейной и общественной и внушать им трезвый взгляд на вещи». В целом ряде речей и статей дока-

зывалось, что конгрегации извлекают громадные выгоды из своих школ и богоугодных заведений, что они обирают доверяющихся им, эксплуатируют призреваемых и т. п.

Наконец, указывалось на то, что конгрегации основаны на обете послушания иноземному государю – римскому первосвященнику. Ни в какой стране нельзя терпеть таинственных сообществ, связанных обетом беспрекословного повиновения чужеземному владыке, хотя бы повеления его были прямо против приютившей эти сообщества страны.

Петиции конгрегации были разделены на три группы: конгрегации обучающие, проповедующие и торговые. Петиции голосовались не каждая отдельно, а именно по этим трем группам, целиком, *en bloc*. «Ибо, – сказал Комб, – все они как две капли воды похожи одна на другую, все выкроены по одному образцу». Петиции первой группы были отвергнуты большинством 300 голосов против 257, второй – 304 против 246, третьей – 338 против 231.

Часть конгрегации удалилась за границу. Швейцария, между прочим, отказала им

в приюте. Некоторые перебрались в колонии. Но многие намерены обойти закон. Прежние монахи и монахини скинули свои рясы и, одевшись в светское платье, будут продолжать свою деятельность, учительскую, проповедническую, торговую, как частные лица. Французские законы позволяют это. В то же время белое духовенство, приходские священники стали усиленно открывать школы. Образовалось целое общество, обладающее значительными средствами, «для распространения католической школы во Франции». Радикалы всё время твердили, что борются только против духовных орденов, оставляя членам их все личные права, как и всем иным гражданам. Теперь радикалам предстоит засвидетельствовать свои слова на деле. Во всяком случае борьба не кончена.

Март 1903

Сноски

1

свобода, равенство, братство (*фр.*)

[^^^]

Хлеба и зрелищ! *(лат.)*

[^^^]

3

демократический союз (*фр.*)

[^^^]